

Въ лунный лѣтній вечеръ расположились на ночлегъ въ крестьянскомъ сараѣ двое охотниковъ: учитель гимназій и ветеринаръ. Обоимъ имъ не спится. Скучно. Завязывается болтовня, легко перепаривающая съ одного предмета на другой и вотъ учитель описываетъ намъ жизнь и привычки одного своего недавно умершаго товарища.

Звали его Бѣликовымъ. „У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ-бы его, защитилъ-бы отъ вѣшнихъ вліяній“. Даже въ хорошую погоду онъ выходилъ съ зонтикомъ и въ калошахъ, и часы, и перочинный ножикъ носилъ онъ въ чехольчикахъ; самое лицо его, казалось, тоже было въ чехлѣ: онъ постоянно пряталъ его въ поднятый воротничокъ; садясь на извозчика, онъ всегда приказывалъ поднимать верхъ. Словомъ, дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ.

И мысль свою Бѣликовъ такъ-же старался запрятать въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ воспрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ воспрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно: запрещено—и баста. Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшались драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головою и говорилъ тихо:

— Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ-бы чего не вышло.

Всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось-бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебень, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ-бы чего не вышло. Учителя боялись его. И даже директоръ боялся. Бѣликовъ держалъ въ своихъ рукахъ не только гимназію, но и весь городъ. Дамы не устраивали по субботамъ домашнихъ спектаклей, боясь, какъ-бы онъ не узналъ объ этомъ, духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ

емъ Бѣликова въ городѣ стали бояться всего. Боялись громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

И вдругъ этотъ человѣкъ чуть-чуть не женился. Въ гимназію назначили новаго учителя, Коваленко, молодого, энергичнаго малоросса. Онъ прѣхалъ съ сестрою Варинькою, рѣзвою, веселою, живою дѣвушкой, несмотря на ея 30 лѣтъ. Скукавішій провинціальный муравейникъ зашевелился; у дамъ гимназическаго круга, съ директоршею во главѣ, родилась мысль повѣнчать Бѣликова и Вариньку; устраивали, какъ будто невзначай, ихъ частыя встрѣчи, старались оставлять ихъ наединѣ, вслѣдствіе поощряли ухаживаніе Бѣликова за Варинькой, которая дѣйствительно стала нравиться нашему старому холостяку все больше и больше. Въ концѣ-концовъ, свадьба, вѣроятно, состоялась-бы и совершилась-бы, такимъ образомъ, одинъ изъ тѣхъ ненужныхъ, глупыхъ браковъ, какихъ у насъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать совершаются тысячи. Все дѣло было разстроено пустою, по характеру для Бѣликова и имѣвшею для него гибельныя послѣдствія, случайностью.

Бѣликовъ какъ-то увидѣлъ Вариньку, когда она, на глазахъ многочисленной толпы, быстро мчалась на велосипедѣ вслѣдъ за своимъ братомъ. Такое зрѣлище крайне потрясло Бѣликова: „развѣ преподавателямъ гимназій и женщинамъ прилично ѣздить на велосипедѣ?“ На слѣдующій день онъ отправился къ брату Вариньки, желая его спасти отъ грядущей бѣды: вѣдь сначала о томъ, что Коваленко и его сестра катаются на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, потомъ дойдеть до попечителя и тутъ нечего уже ждать проку! Коваленко отвѣчаетъ на это рѣшительной просьбой не вмѣшиваться въ его частную жизнь.

Бѣликовъ грозитъ донести директору о непочтительныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ отзывался-де Коваленко о своемъ начальствѣ. Пылкій малороссъ, будучи не въ силахъ стерпѣть столь наглою лжи, кулаками сбрасываетъ Бѣликова съ лѣстницы. Когда онъ катился внизъ, вошла Варинька и двѣ дамы... Бѣликову рисуется ужасная картина: о происшедшемъ скандалѣ узнаетъ весь городъ, попечитель, и ему прикажутъ подать въ отставку. Варинька узнала его и полагая, что это онъ упалъ самъ нечаянно, не удержалась и захохотала на весь домъ: — ха, ха, ха! Этимъ раскатистымъ, залихватымъ смѣхомъ завершилось и сватовство, и земное существованіе Бѣликова. Вернувшись домой, онъ слегъ и черезъ мѣсяць лежалъ уже въ гробу. Это былъ послѣдній футляръ, изъ котораго онъ уже не вышелъ нѣкогда.

„Бѣликова похоронили, — кончаетъ рассказчикъ, — а сколько еще такихъ „человѣковъ въ футлярѣ“ осталось, сколько ихъ еще будетъ! Развѣ то, что мы живемъ въ городѣ, въ духотѣ, въ тѣнотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винты — развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глухихъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ — развѣ это не футляръ?.. Видѣть и слышать, какъ лгутъ, и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна, — нѣтъ, больше жить такъ невозможно!“

Такой горячей тирадой заканчивается новѣйшій рассказъ А. П. Чехова „Человѣкъ въ футлярѣ“ („Русская Мысль“, июль), заслуживающій нашего особеннаго вниманія, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера этого талантливаго, богато-одареннаго писателя.

II.

Съ самаго начала мнѣ хочется указать на весь интересъ, всю красоту основнаго замысла автора и проверить затѣмъ, соответствуетъ-ли выполненіе широтѣ и оригинальности этого замысла, достаточно-ли полно и ясно развита и выражена руководящая идея нашего художника.

Его задачей было представить душевный строй „человѣка въ футлярѣ“. Футляръ — это все наносное, искусственно привитое, позанированное отъ другихъ, что мѣшаетъ намъ быть самими собою, что препятствуетъ намъ проявить нашу духовную сущность во всей ея непосредственности и свѣжести, что сковываетъ свободные порывы нашей души и заставляетъ ихъ направляться по старому, проторенному дружкин, пути, вовсе, быть-можетъ, не соответствующему нашимъ внутреннимъ влеченіямъ и силамъ. „Человѣкъ въ футлярѣ“ — это существо обезличенное, думающее, хотящее и чувствующее на чужой образецъ, по избитому чужому шаблону. Ничья самостоятельности въ дѣйствіяхъ, подалеже ото всего, что не освящено и не узаконено обычаями, преданіемъ, примѣромъ другихъ! Никакого начинаія, любовное признаніе своего духовнаго рабства, покорной зависимости отъ рутинѣ! „Человѣкъ въ футлярѣ“ боится всего, что носитъ отпечатокъ новизны, инициативы, борьбы съ отжившими предрассудками, съ вредными хотя-бы и общепринятыми убѣжденіями, — трепещетъ предо всѣмъ, что идетъ въ разрѣзъ съ давно устано-

вленными воззрѣніями, и этимъ трепетомъ невольно заражаетъ людей нерѣшительныхъ и слабыхъ. „Человѣкъ въ футлярѣ“ труситъ живой дѣйствительности, старается спрятаться, уйти отъ нея: его смущаетъ все ея разнообразіе, невозможность подвести все ея явленія подъ одну обязательную для всѣхъ мѣрку, ея частое противорѣчіе прописной морали, все бурное ея теченіе, такое иногда непослѣдовательное, такое, повидимому, капризное!

Тема, выбранная г. Чеховымъ, была не изъ легкихъ, но занимательная и благородная. Онъ не захотѣлъ, или не сумѣлъ справиться съ нею. Въ самомъ дѣлѣ, онъ подробно описалъ намъ внѣшность героя, изложилъ вкратцѣ послѣдовательность событій, привелъ къ смерти и совершенно не открылъ намъ внутренняго міра Бѣликова. Почему сталъ онъ „человѣкомъ въ футлярѣ“? Когда? Могъ-ли стать Бѣликовъ чѣмъ-либо другимъ? Если не могъ, то отчего? Что наполняло душу этого человѣка? Сознаніе-ли идеально исполняемаго служебнаго долга? Но развѣ Бѣликовъ могъ быть хорошимъ педагогомъ — воспитателемъ и другомъ дѣтей, говорю я, а не бездушной машиной, исправнымъ чиновникомъ? Можетъ-быть, его томилъ честолюбіе? Можетъ-быть, его угнетала и заключила „въ футляръ“ провинціальная среда?

Кажется, авторъ, дѣйствительно, въ провинціальной обстановкѣ видитъ причину уродливости характера Бѣликова. Боже мой, какое избѣтное, какое неправильное объясненіе! Вѣдь *среду*-то именно дѣлаютъ люди, каждый въ отдѣльности давая ей тонъ, вліяя на нее такъ или иначе. Бѣликовъ самъ поработилъ себя средѣ, въ которую закинула его судьба, а не наоборотъ. „Вотъ подите-же, — съ горькимъ чувствомъ сообщаетъ разсказчикъ, — наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедрихъ, однако-же этотъ человѣкъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всѣхъ насъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ!“. Да, понятно держалъ, и не могъ не держать, потому что Бѣликовъ ни въ комъ изъ своихъ сотоварищей, изъ общества цѣлаго городка, не встрѣтилъ даже попытки противодѣйствовать вліянію „человѣка въ футлярѣ“. Причемъ-же тутъ среда? Не она подчинила себя нашего героя, а онъ пердѣлалъ ее по-своему. Да и вообще пора-бы, думается, отрѣшиться отъ взгляда на провинцію, какъ на почву, наиболѣе подходящую для духовнаго приниженія, а то и полной нравственной гибели личности. Отсутствие пустыхъ, часто гнусныхъ, разсужденій, шумихи фразъ, всѣхъ видовъ акютажа, атмосфера дѣла, маленькаго, по

приносящего осязательные результаты, — все это гораздо больше способствует въ провинціалъ развитію вдумчивости и воли, направленной къ добру, чѣмъ въ жителяхъ столицъ. Нѣтъ, не провинція, слѣдовательно, упрятала Вѣликова въ футляръ. Что-же, наконецъ?

Г. Чеховъ не даетъ намъ отвѣта. Онъ не знакомитъ насъ ни съ дѣтствомъ Вѣликова, ни съ его семьей, ни съ его учебными годами, ни съ его молодостью. А первыя впечатлѣнія, — рассказъ няни, молитва матери, шутка отца, выговоръ учителя, товарищескія игры, — какой неизгладимый отпечатокъ кладутъ они на характеръ ребенка, въ какой степени опредѣляютъ и освѣщаютъ всю его дальнѣйшую будущность, все его міросозерцаніе въ грядущемъ!

Не будемъ пускаться въ догадки о прошломъ Вѣликова, разъ авторъ хочетъ скрыть отъ насъ минувшія судьбы героя. Возьмемъ „человѣка въ футлярѣ“ такими, каковы онъ уже есть въ данную пору, т.-е. окончательно сложившимся лицомъ. Вотъ онъ впервые встрѣчается на своемъ пути женщину. Подъ футляромъ заговорило, наконецъ, живое сердце. Какой интересный психологическій моментъ! Какая ширь, какой просторъ, какой удобный случай для г. Чехова показать знаніе человѣческой природы, раскрыть намъ глубочайшіе тайники сердца Вѣликова! Что творится тамъ теперь? Къ чему приведетъ эта случайно вспыхнувшая, поздняя страсть? Женская ласка раскрывала и не такіе футляры, подъ ея лучами оттаивали и не такіе глыбы льда. Не станетъ-ли Вѣликовъ подъ вліяніемъ Вариньи открытымъ, бодрымъ, жизнерадостнымъ, не переродится-ли онъ изъ труса — въ смѣльчака, изъ педанта — въ пріятнаго собесѣдника, изъ доносчика — въ добраго товарища? Отвѣта нѣтъ: г. Чеховъ продолжаетъ безмолвствовать.

Мучился-ли Вѣликовъ своимъ одиночествомъ? За что хохотушка Варинья любила скучнаго, угрюмаго педанта? Г. Чеховъ нѣмъ попрежнему и читатель откладываетъ его рассказъ въ сторону, съ горькимъ чувствомъ обманутыхъ надеждъ и напраснаго ожиданія.

III.

Коренная причина этого недовольства бросается въ глазъ. Г. Чеховъ только поддразнить читателей, давъ имъ цѣлый рядъ отдѣльных, прекрасно выполненныхъ *фотографическихъ* снимковъ, вмѣсто того, чтобы порадовать ихъ одною живою, хорошо скомпонованною, реально написанною *картиною*. Снимки эти объединены общностью сюжета (Вѣликовъ съ его знакомыми и нѣкого больше), но не внутренней связью причинности, логической по-

слѣдовательности. Мы ясно видимъ, каковъ теперь Вѣликовъ, какъ онъ относится къ окружающимъ, какъ онъ живетъ, какъ онъ умеръ, и мы не знаемъ, *почему* онъ сталъ такимъ, а не другимъ, *почему* онъ относится къ окружающимъ такъ, а не иначе, *почему* онъ живетъ такъ, а не этакъ, *почему* онъ умеръ, а не продолжалъ благодушествовать по-старому. Да, мы видимъ человѣка, попавшаго въ футляръ, но почему онъ туда попалъ, почему не можетъ выйти оттуда, объ этомъ авторъ не говоритъ намъ ни слова. Какъ изъ тысячи фотографическихъ карточекъ одного и того же лица, снятыхъ въ самое различное время, въ самыхъ различныхъ позахъ, нельзя вывести правильнаго заключенія объ истинной сущности духовнаго міра, рѣзкихъ особенностяхъ характера изображеннаго на карточкахъ человѣка, — а мастерскій портретъ, писанный кистью заправскаго художника, точно волшебствомъ вскроетъ намъ всѣ изгибы души оригинала, — такъ и фотографически-сухія, протокольно-вѣрные отдѣльныя изображенія, сценки и штрихи изъ жизни Вѣликова не помогаютъ намъ уяснить себѣ отличительныхъ свойствъ Вѣликова, его жизненности, его типичности. Г. Чеховъ собралъ множество фотографій, но не написалъ картины, для которой онѣ, въ подспорье къ другимъ этюдамъ, могли-бы сослужить полезную службу.

Фотографичность письма г. Чехова — громадный недостатокъ этого талантливаго беллетриста; ею не замѣнишь безжизненности лицъ, выводимыхъ на сцену рассказчикомъ. Чтобы эти лица облеклись въ плоть и кровь, чтобы они стали понятными намъ, близкими, такими, съ которыми мы сами имѣемъ много общаго, какихъ встречаемъ на улицахъ и въ нашихъ гостиныхъ, — для этого писателю настоятельно необходима та „выдумка“, которой значеніе и важность такъ понималъ И. С. Тургеневъ, за которую онъ такъ горячировалъ. „Выдумка“, въ этомъ значеніи слова, есть способность раскрыть психологическіе мотивы, которыми управляется дѣятельность того или другого человѣка, выдвинувъ на первый планъ черты существенныя, неизмѣнныя, слегка лишь намѣчая, а то и вовсе опускаая второстепенныя, случайныя. Фотографъ-писатель схватываетъ на свой фонъ одинаково и важное, и малозначущее, писатель-художникъ строгъ въ своемъ выборѣ: мелочи, детали ему не нужны въ погонѣ за главнымъ, за штрихами, наиболѣе характеризующими, наилучше объясняющими его героевъ. Вотъ почему персонажи перраго мертвы или, въ лучшемъ случаѣ, вѣланны, а второго — такъ живы, такъ реальны.

А Богъ далеко не обидѣлъ нашего автора, давъ ему и прекрасный выразительный языкъ и живой добродушный, чисто великорусскій юморъ, и теплый, гуманный тонъ, и знаніе большого круга людей. Г. Чеховъ — талантъ несомнѣнный и не маленькій. Только, право, кажется мнѣ, что онъ — „талантъ въ футлярѣ“.

Что-то давитъ его, что-то связываетъ размахъ его пера, въ какой-то футляръ заключены его богатые силы. Возьмется онъ за большую повѣсть, какъ „Степь“, — выходитъ у него, какъ степь, утомительно, однообразно и скучно; приступитъ къ серьезной драмѣ, какъ „Чайка“, — начинаешь дивиться, съ обитателей какой планеты, съ какихъ фантомовъ писалъ дѣйствующихъ лицъ нашъ авторъ. Лишь въ области маленькихъ рассказцевъ г. Чеховъ чувствуетъ себя господиномъ положенія, да и тутъ бывають иной разъ неудачи, къ которымъ принадлежитъ, наиримѣръ, только-что разобранный нами рассказъ.

Какъ назвать футляръ г. Чехова? Художественное міросозерцаніе г. Чехова не выработалось еще окончательно, не отлилось въ прочную опредѣленную форму. Вотъ футляръ, который мучитъ автора „человѣка въ футлярѣ“. Г. Чеховъ не обнялъ еще всю полноту жизни однимъ художественнымъ взглядомъ, не претворилъ въ горниль художественнаго пониманія все разнообразіе, всю кажущуюся спутанность, всю видимую хаотичность разумной и трезвой дѣятельности. Вотъ почему онъ такой мастеръ на маленькія вещи: здѣсь не нужно цѣлостности и широты міровоззрѣнія, тутъ довольно одного уголка того или другого міропониманія. Вотъ почему преслѣдуютъ его неудачи, когда онъ берется за крупныя по содержанію и объему произведенія: здѣсь нуженъ цѣлостный, олимпийски-спокойный взглядъ на людей и на все людское, а если его нѣтъ на лицо, то вмѣсто органически стройнаго, проникнутаго единой идеей труда — получится, вѣншимъ образомъ связанное собраніе отдѣльныхъ фотографій.

Я думаю, любовь къ народу, изученіе его духа, идеаловъ и сокровищъ народнаго (въ широкомъ смыслѣ этого слова) творчества помогутъ превратиться г. Чехову въ того крупнаго художника, какими желательно намъ, по его природнымъ способностямъ, видѣть его въ будущемъ. Всѣ наши мастера черпали только отсюда: другого источника нѣтъ, да и быть не можетъ.

Тогда г. Чеховъ развяжется съ своимъ футляромъ! Чѣмъ это будетъ скорѣе, тѣмъ лучше!

М. Оликовъ.